

3 ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ВЛАДИМИРА ИОХЕЛЬСОНА В ПЕРИОД СИБИРЯКОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И ВО ВРЕМЯ ЕГО ПОЗДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Эрих Кастен

Введение

В конце XIX в. благодаря заслугам Владимира Иохельсона началась новая фаза исследований Северо-восточной Сибири. Уже за 150 лет до этого путешествующие учёные – в основном занимающиеся естественными науками немцы или прибалтийские немцы – по запросу Российской Империи посвящали себя этой задаче¹. Иохельсон обладал другой базой знаний. Прежде всего, это были его социально-критические убеждения, которые повлияли на первые встречи с туземцами и на его последующие исследования в северо-восточной Сибири. Во время этих исследований он и разработал методы, которые позже способствовали возникновению такой новой дисциплины, как этнология.

Благодаря особым событиям и личному опыту жизнь Иохельсона претерпела значительные изменения: от политического активиста до ссыльного в Сибири, где он начал интересоваться живущими в тех краях народами и впоследствии завершил уже в Нью-Йорке работу над своим научным трудом, который поспособствовал становлению советской этнографии². Иохельсон принимал деятельное участие в трёх больших этнографических экспедициях в Северо-восточной Сибири: в Сибиряковской экспедиции (1894–1897), в северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона (1897–1902) и в экспедиции Рябушинского (1908–1911). Северо-Тихоокеанская экспедиция Джексона под руководством Франца Боаса особенно привлекла международное внимание³, влияние Боаса на исследования Иохельсона и последующие разработки на основе его трудов в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке часто обсуждались и, вероятно, время от времени переоцениваются⁴.

¹ См. серию *Bibliotheca Kamtschatica* издательства Фонда культуры народов Сибири <https://dh-north.org/verlag/bibliotheca-kamtschatica/ru>

² *Winterschladen M.* The Forgotten Member of the „Ethnotroika“ // Jochelson, Bogoras and Shtenberg: A Scientific Exploration of Northeastern Siberia and the Shaping of Soviet ethnography / E. Kasten (ed.). Fürstenberg/Havel, 2018. Pp. 13–32.

³ Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 // *Krupnik I.I., Fitzhugh W.W.* (eds.). New York, Washington DC, 2001.

⁴ *Kasten E., Dürr M.* Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition. A New Approach in the Ethnography for the Russian Far East // Waldemar Jochelson: The Koryak / Kasten E., Dürr, M. (eds.). Fürstenberg/Havel, 2016. P. 27 ff.

Немного иная картина открывается нам при более близком рассмотрении малоизвестных и до недавнего времени труднодоступных публикаций Иохельсона, написанных непосредственно после участия в Сибиряковской экспедиции, и в которых уже прорисовываются основные черты его исследовательских методов, наложивших отпечаток на его поздние работы, в которых ему пришлось, однако, «подогнать» методы под новые требования и условия. Поэтому на первый план должны быть выведены в первую очередь его ранние работы, которые он публиковал не только на русском, но и на немецком языке⁵. Так как биография Иохельсона в этом сборнике подробно представлена в предыдущей статье Маттиаса Винтершладена, в данной статье будут лишь коротко упомянуты некоторые жизненные ситуации и переживания, которые, несомненно, повлияли на этнографические методы Иохельсона и на его отношения с местными жителями.

По причине его революционной деятельности в Российской Империи, которой он занимался отчасти из-за границы, в 1885 г. Иохельсон был арестован. После того, как он провёл два года в заключении в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, его отправили в ссылку в дальние края северо-восточной Сибири, где он встретил многих бывших соратников из революционного движения. Иохельсон попал через Тобольск в Олёкминск. Оттуда его вскоре выслали в еще более отдалённые места, после того как полиция нашла в его переписке подозрительные материалы. По словам Богораза, в том самом письме Иохельсон согласно целям «хождения в народ» писал, что ссыльные должны заниматься судьбой и изучением местных народов тех северных районов, где они оказались. Официальные власти отправили его в область Колымы, однако не в Среднеколымск, где к тому времени ссыльные успели учредить маленькое сообщество, а в отдалённые поселения, где жизненные условия были намного хуже⁶.

Таким образом Иохельсон с помощью местного населения познакомился с охотой и рыбной ловлей, чтобы обеспечивать своё существование. Несмотря на полицейский надзор, ссыльные часто бывали с местными на ближайших ярмарках. В это время Иохельсон уже констатировал первые впечатления, которые смог опубликовать в 1894 и 1895 годах⁷. В этих трудах он основательно разобрал вопросы сельского хозяйства в Якутии и предпринял попытку показать перспективы его развития в столь отдалённых северных краях, за что в 1895 г.

⁵ *Jochelson W.* Aus dem Fernen Osten Russlands. Deutschsprachige Schriften (1881–1908). Kasten E. (Hg.). Fürstenberg/Havel, 2017.

⁶ *Шавров К.Б.* В.И. Иохельсон // Советская Этнография 1935. № 2. С. 7.

⁷ *Иохельсон В.И.* Олекминские скопцы. Историко-бытовой очерк // Живая старина, Отд. 1, Вып. II, 1894. С. 191–203, Отд. 2, Вып. 3, 1894. С. 301–324. *Иохельсон В.И.* Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина, Вып. II, 1895. С. 1–37.

был награждён серебряной медалью этнографического отделения Императорского Русского Географического Общества⁸.

Факт того, что в это время Иохельсон усвоил основы якутского языка и уже пытался приобрести свои первые знания эвенского и, вероятно, юкагирского языков, подтверждает его интерес и желание прочувствовать тяжелую долю местных народов, а также попытки лучше понять их жизнь и взгляды через их рассказы. Таким образом невозможно представить себе лучшие предпосылки для вскоре появившейся на горизонте возможности участия в экспедиции И.М. Сибирякова, которая не только для него, но и для науки в целом была особенно удачным стечением обстоятельств.

Исследования Иохельсона в Сибиряковской экспедиции

Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского Географического Общества в Иркутске организовало в 1894–1897 гг.⁹ Якутскую историко-этнографическую экспедицию (см. статью Панченко в данном сборнике), для которой Иохельсон проводил полевые исследования в районе реки Колыма. Позже экспедицию назвали в честь её спонсора, иркутского купца-золотопромышленника и мецената Иннокентия М. Сибирякова. Помимо этого, Сибиряков интересовался влиянием, которое могла иметь золотодобыча на местных жителей. Таким образом, экспедиция помимо научных имела и более практические цели, вместе с которыми она вписывается в традицию ранних этнографических исследований на Дальнем Востоке России, как, например, экспедиции агронома Иохана Карла Эренфрида Кегеля (1841–1847) и геолога и горного инженера Карла фон Дитмара (1851–1855) на Камчатке¹⁰.

⁸ Слободин С.Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150 летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 97.

⁹ Часто временные рамки экспедиции указывают как 1894–1896, хотя, судя по записям из дневников Иохельсона (Гурвич И.С. Полевые дневники В.И. Иохельсона и Д.Л. Иохельсон-Бродской // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. II, 1963. С. 249–251), свои полевые исследования он проводил в 1895–1897. Иохельсон отправился в путь в первую из своих в общей сложности восьми поездок 15.12.1894 из Якутска. Его последнее путешествие проходило с 15.01. до 15.07.1897 (Иохельсон В.И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов // Известия ВСОИРОГО. 1898. Вып. XXIX (1). С. 10 и др.). Причина варьирующихся дат может крыться в том, что Иохельсон и Богораз непосредственно после окончания экспедиции оставались в районе для проведения Всероссийской переписи населения 1897 г. и, по-видимому, использовали это время для сбора дополнительных этнографических данных.

¹⁰ Kegel J.K.E. Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse des Johann Karl Ehrenfried Kegel von 1841 bis 1847 // Glden W.F. (Hg.). Frstenberg/Havel. 2011. Ditmar K. v. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851–1855. Erster Teil: Historischer

По мнению Дальманна¹¹, формирование исследовательской группы из 26 человек стало началом новой эры в истории исследования Сибири. Исследовательская группа состояла не как до этого из «классической императорской элиты царской России из армейских и научных кругов» (там же), а включала в себя чиновников и интеллигентов Якутской области; к последним по особому разрешению правительства относились по большей части отправленные в ссылку революционеры и враги государства (состав экспедиции см. в статье Панченко в данном сборнике). Кроме Владимира Г. Богоразы, с которым Иохельсон позже должен был тесно сотрудничать, Иохельсон был знаком также с одним из двух руководителей экспедиции, Дмитрием А. Клеменцем. Они познакомились в 1875 г. в Вильно (сейчас – Вильнюс), где как участники революционного движения работали вместе в революционном движении. Как позже писал Иохельсон, Клеменц тогда повлиял на становление его революционной деятельности и 20 лет спустя поспособствовал его участию в Якутской экспедиции, таким образом проложив ему дорогу для карьеры учёного¹².

Эти «враги государства» были, однако, теперь нужны как «интеллектуальный ресурс»¹³. Эти предыдущие интеллектуальные ресурсы во время «транснациональной» фазы исследовательского сотрудничества с иностранными учеными (см. Schweitzer 2013) стали истощаться после начала научной изоляции. Экспедиция Сибирякова являлась исследовательской инициативой, берущей своё начало в Иркутске, новом интеллектуальном центре Сибири второй половины XIX в. Идея проведения экспедиции принадлежала И.М. Сибирякову, который выделил средства на ее проведение. Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического Общества в её организации мог рассчитывать лишь на имеющийся местный интеллектуальный потенциал – к которому, прежде всего, причислялись живущие там хорошо образованные ссыльные.

Под контролем и при посредничестве второго руководителя экспедиции, верного царского государственного служащего и впоследствии вице-губернатора Якутской области, Андрея И. Попова, организаторы решились на такую нео-

Bericht nach den Tagebüchern. St. Petersburg, 1890 // Neuausgabe: Dürr M. (Hg.). Fürstenberg/Havel. 2011. *Ditmar K. v. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851–1855. Zweiter Teil: Allgemeines über Kamtschatka*. St. Petersburg, 1900 // Neuausgabe: Dürr M. (Hg.). Fürstenberg/Havel, 2011. *Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert* // Kasten E. (Hg.). Fürstenberg/Havel, 2013.

¹¹ *Dahlmann D. Deutschbaltische Forschungsreisende und Wissenschaftler und die Universität Dorpat in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts – Ein Überblick // Auf den Spuren der modernen Sozial- und Kulturanthropologie. Die Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) im Nordosten Sibiriens / M. Winterschladen, D. Ordubadi, D. Dahlmann (Hg.), Fürstenberg/Havel, 2016. S. 44.*

¹² *Иохельсон В.И. Первые дни Народной Воли. Пр., 1922. С. 45.*

¹³ *Dahlmann D. Deutschbaltische Forschungsreisende...S. 45.*

бычную комбинацию. Однако исследовательская деятельность не подвергалась ограничениям со стороны правительства, чего нельзя сказать о более поздней Северо-Тихоокеанской экспедиции Джекзупа, в которую вмешивалась секретная полиция, что Иохельсон связывал со своим политическим прошлым¹⁴.

Материалы Иохельсона из Сибиряковской экспедиции, лишь частично опубликованные в журнальных статьях, долгое время оставались незамеченными, особенно потому, что большее внимание уделялось его поздним монографиям, которые появились в результате работы в Джекзуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции¹⁵. В Советском Союзе в журнале «Советская Этнография» в 1935 г. вышла статья к 80-летию В.И. Иохельсона, в которой Шавров затрагивает тему организации и событий экспедиции Сибирякова и как её важный результат отмечает, что Иохельсон описывает первобытный родовой строй юкагиров с характерным противоположением между собой мужчин и женщин, как двух отдельных групп, с коммунистическим распределением добычи промыслов и с рядом других очень резких и характерных черт примитивности¹⁶. Первые подробные исследования о Сибиряковской экспедиции были написаны Гороховым¹⁷ на основе архивных материалов. Гурвич¹⁸ привлёк внимание общественности к дневниковым записям Иохельсона, хранящимся в российских архивах и вскоре представил подробнее некоторые из них. К 150-ому дню рождения Иохельсона Слободин¹⁹ отдал должное его заслугам в большой статье в журнале «Этнографическое Обозрение». Долгое время считавшуюся пропавшей важную переписку обнаружила Сирина во время своей работы в Государственном архиве Иркутской области в 2005–2006 годах. Речь идёт о 18 письмах Иохельсона и Богораза (11 из них от Иохельсона), адресованных в Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического Общества в Иркутске, в которых они отчитывались о своей работе в экспедиции. Эти письма уже были опубликованы в различных статьях Сириной²⁰ или совмест-

¹⁴ *Иохельсон В.И.* Двудикий Янус // Освобождение. 1903. № 15. С. 255–256. (Немецкий перевод: Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 153–158).

¹⁵ *Jochelson W.* The Koryak. Part I-II. New York/Leiden, 1908 // New edition: Kasten E., Dürr M. (eds.). Fürstenberg/Havel, 2016. *Jochelson W.* The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Part I–III. New York/Leiden 1910–1926 // New edition E. Kasten, M. Dürr (eds.). Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2018. *Jochelson W.* The Yakut. New York, 1933 // New edition: M. Dürr, E. Kasten (eds.). Fürstenberg/Havel, 2018.

¹⁶ *Шавров К.Б.* В.И. Иохельсон... С. 8.

¹⁷ *Горохов К.И.* Деятельность Якутской экспедиции 1984–1986 гг. Труды Якутского филиала АН СССР, Якутск. 1958. С. 37–65; *Горохов К.И.* Исследователи и материалы участников Якутской (Сибиряковской) экспедиции ВСОРГО в 1994–1996 гг. в области этнографии якутов // История Якутии XVII–XIX вв. Якутск. 1965. С. 52–75.

¹⁸ *Гурвич И.С.* Полевые дневники...

¹⁹ *Слободин С.Б.* Выдающийся исследователь...

²⁰ *Сирина А.А.* Скоро будет два года, как мы занимаемся экспедиционными работами...⁴. Неизвестные письма В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза из Сибиряковской (Якутской) экс-

ного авторства Сириной и Шинкового²¹. Большинство эксклюзивных фотографий, сделанных Иохельсоном во время экспедиции Сибирякова, находится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге и в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке, где некоторые из них по ошибке были причислены к поздней экспедиции Джезупа.

Помимо сравнительного обзора ранних статей Иохельсона и его поздних монографий, вышеназванные дневники и письма дают особенно ценные объяснения о том, как Иохельсон – так же, как и Богораз – сначала своими силами, а затем профессионально выработали свои методы полевых исследований. Из этих источников также видно, как – по сравнению с его более поздними экспедициями – успешное внедрение этих методов исследования зависело от дальнейших конкретных условий. По всей видимости, они были особенно выгодны Иохельсону по отношению к юкагирам.

В своём предварительном исследовательском отчёте Иохельсон отмечает, что в отношении любой поездки имеются два рода записи. Согласно первому роду он записывал данные к чётко поставленным исследовательским вопросам. Согласно второму роду он в своём 173-х страничном дневнике под названием «Путевые заметки» вместе с маршрутом следования спонтанно добавляет к описанию общие впечатления от поездки – или попросту, «что казалось мне интересным»²². Эти последние записи содержат в себе детальную информацию не только о стране и людях, но и прежде всего о личных впечатлениях Иохельсона и его общении с туземцами.

Итак, его главный интерес был направлен в основном на якутов Колымского округа. Только в последующих поездках, которые проходили через Верхнеколымск к реке Ясачная и дальше, он начал более основательно изучать образ жизни, язык и фольклор юкагиров. В своём дневнике он писал, что юкагиры – так же, как и эвенки (тунгусы) и эвены (ламуты)²³ – при делении добычи между собой, а также в межполовом общении²⁴ следовали схожим ритуальным правилам – *нимат*²⁵.

педиции // Илин. Историко-географический, культурологический журналю. 2007. №5. С. 90–97.

²¹ Сирина А.А., Шинковой А.И. Неизвестное наследие Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896): письма В.И. Иохельсона во ВСОИРГО // Расы и народы. Ежегодник. 2007. Вып. 33. С.331–368.

²² Иохельсон В.И. Предварительный отчет... С. 25.

²³ Использование Иохельсоном названий тунгусы и ламуты в какой-то степени вводит в заблуждение, так как языки обоих народов входят в тунгусскую языковую семью. В основном под тунгусами Иохельсон имел в виду эвенков и под ламутами – эвенов. Однако это, по мнению Анны Сириной, не всегда однозначно, особенно когда дело касается использования этих названий другими, например, С. К. Паткановым.

²⁴ Jochelson W. Die Jukagiren, см. Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 53–56; Гурвич И.С. Полевые дневники... С. 251.

²⁵ Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире. Самосознание, природопользование,

Из дневника становится ясно, что Иохельсон внушительную часть своего времени потратил на изучение юкагирского языка, записывая тексты с переводом, а также отдельные юкагирские слова. Во время пребывания у тундровых юкагириков Иохельсона занимал вопрос о том, каковы их отношения с чукчами и какое влияние чукотское оленеводство оказало на упадок охоты на диких северных оленей у юкагириков, которые, однако, сами переходили к содержанию крупного рогатого скота, что почти не нашло отражения в официальных источниках²⁶. Иохельсон описывает в своих дневниках то, как протекали разрушительные эпидемии оспы, которым подвергалось местное население и почему определённые районы были избавлены от болезни. Далее он отмечает, как он вместе с Богорозом разработал методику для изучения культур и языков различных народов. По мнению Гурвича²⁷, она впоследствии пригодилась во время Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона. Главным делом для Иохельсона в любом случае было овладение местными языками:

„На деле же оказалось [...] что без знания языков немислима этнографическая работа, если не считать таковой чисто внешние наблюдения над бытом“²⁸.

Организационные проблемы, из-за которых страдала экспедиция, описаны Сириной²⁹. Очевидно, проблема была в большом количестве участников, которые шли как «экскурсанты». Так как имелись в виду по большей части ссыльные, их положение не всегда было точно определено, и было неясно, до какого пункта они могли ехать и имели ли на это разрешение вообще. С отходом от дел инициатора экспедиции и мецената Сибирякова, который в 1896 г. ушел в монастырь на Афоне и там в 1901 г. умер, исчез и интерес к экспедиции. Д.А. Клеменц еще ранее ушел с поста правителя дел ВСОИРГО и сосредоточил свою энергию на монгольских экспедициях. По-видимому, не хватало активного руководства, которое было бы заинтересовано в последующей подробной обработке результатов. Не было предоставлено никаких средств для публикации, поэтому таковые, если и возникали, то выходили разрозненно, в разной форме и, зачастую, через некоторое время после экспедиции. Мало внимания со стороны руководства экспедиции удостоивались остаточные исследовательские материалы, к примеру, ценные фотографии, которые на настоящий момент находятся в различных собраниях и никак не представлены в обобщённом виде. Из писем Иохельсона и Богороза во ВСОИРГО в Иркутске особенно ясно просматривается дефицит коммуникации между руководством и участниками

мировоззрение. М., 2012. С. 316–335.

²⁶ Гурвич И.С. Полевые дневники... С. 251.

²⁷ Гурвич И.С. Полевые дневники... С. 253.

²⁸ Иохельсон В.И. Предварительный отчет... С. 25.

²⁹ Сирина А.А. Скоро будет... С. 92.

экспедиции, который, несомненно, значительно ухудшил работы на месте. В каждом письме содержатся резкие жалобы о том, что денежные средства и снаряжение ещё не поступило, отчего некоторые поездки не могли проводиться, хотя они должны были ориентироваться на сезонные условия. Однажды Иохельсону пришлось на месте взять кредит, чтобы покрыть расходы на последующие передвижения³⁰. Библиотека ВСОРГО помогала с литературой, с помощью которой Иохельсон пытался во время полевых исследований войти в работу с этнографическими методами³¹. Что раздражало Иохельсона – так это непрекращающееся игнорирование его писем. При этом он всегда указывал на ненадёжную ситуацию с почтовым транспортом, который лишь с периодичностью три раза в год связывал Среднеколымск с Якутском, что было к тому же осложнено климатическими условиями³², которые были почти непреодолимым препятствием для любого транспорта. Много информации содержится в письмах о логистике передвижений Иохельсона и его маршрутах в определённые отрезки времени, а также информация о том, как Иохельсон и Богораз поделили между собой исследовательские задачи относительно этнических групп³³. Особенно подробно процесс проведения своих работ Иохельсон даёт в письмах 1896–1897 годов³⁴. Так, 20 января 1896 г.³⁵ Иохельсон отправился в Верхнеколымск³⁶, где он сначала в двух якутских поселениях собирал научные данные и интересовался шаманством, для чего даже записал полный текст одного шаманского ритуала. В начале февраля он вернулся в Среднеколымск. Оттуда вместе со своим юкагирским проводником из Верхнеколымска Алексеем Долгановым он отправился несколько дней спустя к реке Омолон, в верховьях которой жили юкагиры. Там он оставил своего проводника Долганова на некоторое время, в то время как сам поехал в Анюйскую крепость, чтобы встретить Богоразу. Они оба посещали там ярмарку. Вслед за тем Иохельсон предпринял короткое путешествие по Большому Анюю для изучения гробниц, после чего он снова вернулся к юкагирским поселениям на реке Омолон.

В другом письме от 25 июля 1896 г. Иохельсон вновь упоминает о своём особом интересе в исследовании мест захоронений, после того как он наткнулся на скелет с остатками похоронного одеяния. С 18 апреля до 15 июня 1896 г. он находился на устье реки Омолон при впадении ее в Колыму, где его работа «была исключительно почти лингвистическая», к тому же одновременно про-

³⁰ *Сирина А.А.* Скоро будет... С. 95.

³¹ *Сирина А.А. Шинковой А.И.* Неизвестное наследие... С. 342 и др.

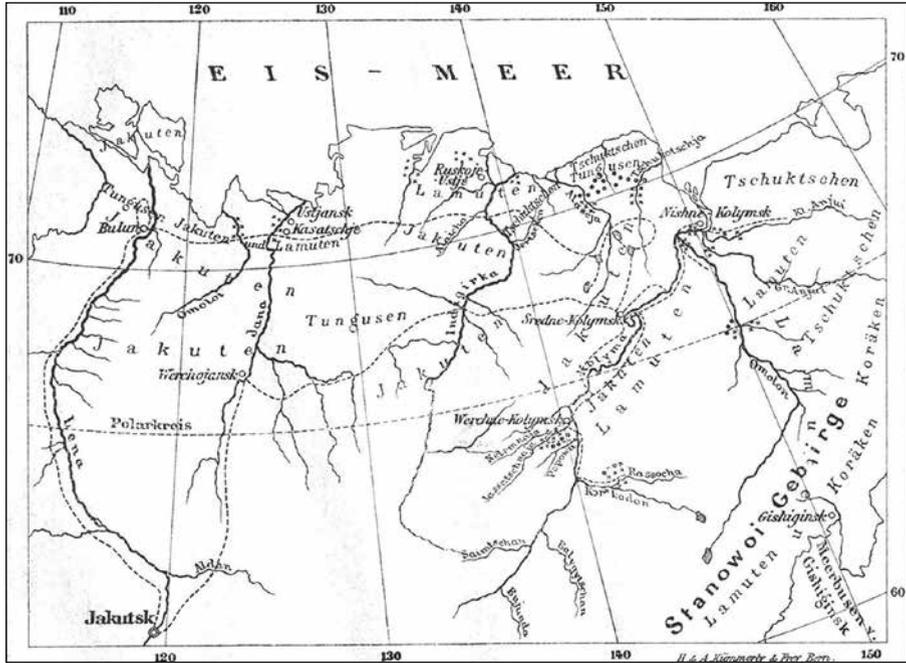
³² *Jochelson W.* Die Jukagiren см. *Jochelson W.* Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 44–45; *Jochelson W.* In Polargegenden I; *Jochelson W.* In Polargegenden III; см. *Jochelson W.* Aus dem Fernen Osten Russlands ... S. 91 ff.; S. 115 ff..

³³ *Сирина А.А. Шинковой А.И.* Неизвестное наследие... С. 341.

³⁴ *Сирина А.А.* Скоро будет...

³⁵ Там же. С. 92 и др.

³⁶ См. карту. С. 75.

Jochelson W. Die Jukagiren, см. Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 47.

водимая с носителями двух имеющихся на территории языков – юкагирского и эвенского. Он пишет:

„В юкагирском языке мои познания настолько подвинулись вперед [...] Надеюсь, что скоро в состоянии буду приступить к составлению грамматики, но торопиться с этим не буду, т.к. для этого мне еще нужна некоторая теоретическая подготовка“³⁷.

В дальнейшем Иохельсон всё же даёт в этом письме подробный и чёткий анализ структуры и вариаций различных языков этого региона, что до него в такой полной форме никто не делал.

Затем он поехал дальше вверх по течению Омолона, чтобы задокументировать другие места захоронения. Во время написания этого письма он уже 3 недели находился в Среднеколымске, где ожидал срочно понадобившихся ему денег, чтобы продолжить свой путь до Верхнеколымска. Ведь там уже ждали его приезда юкагиры из района реки Коркодон, с которыми он хотел дальше плыть вверх по течению этой реки.

В заключение он приложил к своему письму множество фотографий, из них две с изображением мест захоронения, одна с видом на поселение, а также чет-

³⁷ Сирина А.А. Скоро будет... С. 94 и др.

вёртая фотография, на которой были изображены „учителя: тунгус (старик) и верхоянский юкагир Долганов“³⁸. Долганов являлся одним из лоцманов, с которыми Иохельсон ездил к Коркодону, и, по его словам, Иохельсону хотелось бы впоследствии взять его с собой в Якутск. Там он мог бы очень пригодиться Иохельсону как переводчик, так как кроме своего родного языка – юкагирского – Долганов владел также якутским, ламутским (эвенским) и немного русским. Кроме того, Иохельсон мог бы всегда практиковаться с ним в юкагирском языке. Долганов был бы вполне согласен на это, но это стоило бы Иохельсону дополнительные 200 рублей. Он писал, что это „остается мечтой, особенно при теперешнем положении дел“³⁸.

В своём письме во ВСОИРГО от 25 октября 1897³⁹ Иохельсон запрашивает отчёты предшествующих экспедиций, которые были нужны ему для сравнительных исследований. В этих запросах он представляет Алексея Долганова как своего ценнейшего сотрудника, вместе с Василием Шалугиным, с которым он извешивал реку Ясачную, а также с Иваном Спиридоновым и Еленой Сонцевой из района реки Коргодон. Он просил руководство о награждении первых двух через генерал-губернатора за их особые заслуги, а также просил наградить второго подарками от имени Императорского Русского Географического Общества. В одном из последующих обращений от 13 ноября 1897 г.⁴⁰ Иохельсон приводит подробную характеристику других помощников казацкого происхождения.

Непосредственно после окончания экспедиции, уже в 1898 г., Иохельсон опубликовал первые результаты в форме нескольких статей для русских журналов⁴¹ и одного чернового отчёта об исследовании⁴². В последнем он детально описывает маршруты путешествий⁴³ и разрабатывает план⁴⁴, какими он представляет себе последующие обработки и публикации. Также там он представляет первые важные выводы: по его подсчётам, у 700 юкагиров

„через какихнибудь 50 лет уже может быть поздно будет возстановлять язык, религию, родовой строй и т. д. этого остатка древнего населения крайнего северо-востока Азии“⁴⁵.

³⁸ Там же. С. 95.

³⁹ Там же. С. 96.

⁴⁰ Там же. С. 96.

⁴¹ *Иохельсон В.И.* Обращаю материалов по изучению юкагирского языка и фольклора собранных в Якутской экспедиции // Известия Императорской Академии Наук, сер. 5, т. IX (2). 1898. С. 151–177. *Иохельсон В.И.* В полярном краю. Путевые наброски // Нива, 29 (19). 1898. С. 394–396. *Иохельсон В.И.* По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена // Известия ВСОИРГО. 1898. Вып. XXXIV (3). С. 255–290.

⁴² *Иохельсон В.И.* Предварительный отчет...

⁴³ Там же. С. 10.

⁴⁴ Там же. С. 43.

⁴⁵ Там же. С. 19.

В том отчёте Иохельсон приводит важные сведения о многоязычии местного населения, которое варьируется от четырёх (юкагирский, якутский, эвенский и чукотский) на востоке и уменьшается по направлению к западу, где по ту сторону реки Индигирка, как правило, разговаривают уже только на двух (эвенский и якутский), а западнее и вовсе только на якутском⁴⁶. Примечательными являются оценки Иохельсона о виденных им и остающихся на заднем плане культурных динамиках и культурных переплетениях между различными этническими группами, у которых на примере юкагиrow и эвенков „устанавливается компромисс двух влияний“⁴⁷.

Немецкоязычные версии своих первых публикаций он позже – в 1899 году – использовал для докладов в Швейцарии, которые были опубликованы в протоколах заседания соответствующих научных сообществ⁴⁸. Первую часть своего доклада⁴⁹ Иохельсон уже до этого в той же форме опубликовал в «Mutter Erde»⁵⁰, одном из таких научно-популярных журналах, которые были очень востребованы образованной буржуазией того времени. Вышли и другие, менее научные доклады, которые чутко описывают скорее эпизоды из повседневной жизни местных жителей и тем самым дают особенно ценное представление о том, как они общаются друг с другом. Одна из этих статей ранее вышла в похожем по тематике русском научно-популярном журнале «Нива»⁵¹. Только много лет спустя результаты исследований Иохельсона того времени вошли в итоговую публикацию, а именно в его монографию «The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus»⁵². Этот труд он написал в Нью-Йорке после следующего исследовательского путешествия – Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа, хотя по большей части труд содержит результаты Сибиряковской экспедиции. В этой монографии Иохельсон наконец-то захватывает темы, на которые, очевидно, был направлен его особый интерес во время экспедиции Сибирякова, как, например, часто упоминавшиеся в его письмах места захоронения и связанные с похоронами обряды⁵³, но которые он не стал развивать в своих ранних журнальных статьях. Перед своим вторым путешествием – Северо-Тихоокеанской экспедицией Дезюпа – Иохельсон мог бы опубликовать в Санкт-Петербурге ещё одно собрание текстов, в котором шла речь об около 150 рассказах

⁴⁶ Там же. С. 32.

⁴⁷ Там же. С. 36.

⁴⁸ *Jochelson W. Die Jukagiren...; Jochelson W. Über die Sprache und Schrift der Jukagiren // Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900. S. 49–63 / Neuausgabe: Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 79–89.*

⁴⁹ *Jochelson W. Die Jukagiren...*

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Иохельсон В.И. В полярном краю...*

⁵² *Jochelson W. The Yukaghir...*

⁵³ Там же. С. 20.

и тестах песен, которые он записал на русском и юкагирском языке⁵⁴ во время экспедиции Сибирякова. Его список слов юкагирского языка содержит больше 9000 записей, и ему открылись основополагающие подходы к грамматическому строению языка. В то время как среди учёных юкагиры считались уже вымершими, Иохельсон вычислил, что юкагирский язык делился на два диалекта – южно-колымский и северо-юкагирский (тундровый)⁵⁵. В дальнейшем в своей вышедшей в 1899 г. статье Иохельсон видел «родство народностей северо-восточной Азии с народностями с северо-западного побережья Америки»⁵⁶, что в то же время и совершенно независимо Франц Боас назвал основополагающей парадигмой Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона.

Достижения Иохельсона в Сибиряковской экспедиции в сравнении с его поздними трудами

Особенно содержательным показывает себя более близкое рассмотрение его ранних публикаций 1898 и 1899 годов в сравнении с его поздними работами, которые в связи с Северо-Тихоокеанской экспедицией Джексона и, очевидно, под большим влиянием Франца Боаса, появились в Нью-Йорке. Это подчеркивает часто высказываемое предположение⁵⁷, что у Иохельсона с того момента, ввиду его жизни как учёного, могло произойти четкое переориентирование, которое до этого проявилось уже в Швейцарии, то есть сразу после Сибиряковской экспедиции. О том, что могло его к этому сподвигнуть, остаётся только догадываться. Достаточно поводов для расстройств из-за запоздалого начала революционного движения нашлось только во время его последнего пребывания в Санкт-Петербурге в года после возвращения из экспедиции. Также могли сыграть роль знакомство и женитьба на Дине Бродской, с которой он познакомился в Швейцарии короткое время спустя после экспедиции и по отношению к академической степени которой он, возможно, хотел показать себя равнодушным. При более детальном рассмотрении, прежде всего, его писем из экспедиции и полевых дневников, создаётся, однако, впечатление, что его вхождение в науку к тому времени уже произошло: учитывая его рвение, с которым он хотел самостоятельно разобраться с языками и системой знаний этих народов, которые его явно особенно завораживали и которые он хотел тщательно изучить. Вопрос о том,

⁵⁴ *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению...

⁵⁵ *Jochelson W.* Essays on the Grammar...

⁵⁶ *Jochelson W.* Die Jukagiren, см. *Jochelson W.* Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 47. («Verwandschaft der Völkerschaften des nordöstlichen Asiens mit den Stämmen an der nordwestlichen Küste Amerikas»)

⁵⁷ *Вахтин Н.Б.* Наука и жизнь. Судьба Владимира Иохельсона. (По материалам его переписки 1897–1934 гг.) // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. 2004. № 5. С. 36.

мог ли Иохельсон уже во время его учёбы в университете иметь дело с этнографией, пока остается без ответа. Этому предположению может противоречить тот факт, что специализированную литературу по этнографии Иохельсон достал только во время своих полевых исследований. С другой стороны, он мог бы и уже во время своего пребывания в Берне получить толчок для развития в этом направлении, где он учился у профессоров, преподававших географию с четкой ориентировкой на Россию⁵⁸. Очевидно, что в ходе полевой работы Иохельсона его бывший научный интерес вновь вышел на первый план, при этом ученый не отказался от своих первоначально социально-критических взглядов.

Так, в его ранних текстах бросается в глаза тогда ещё четко выраженная эмпатия по отношению к местным, с которой он пытался представить себя в их сложной жизненной ситуации. Совершенно очевидно, что он следует при этом своему революционному подходу об улучшении положения обделённых и ущемлённых людей. К тому же, ему было трудно скрыть свои эмоции, так как он сам долгое время прожил в трудных условиях вместе с туземцами. Таким образом он на собственном опыте убедился в повсеместности опасностей в путешествиях, когда, к примеру, будучи на санях во время совместной поездки при экстремальных условиях на какой-то промежутке времени потерял связь с остальным караваном⁵⁹. Он описал, как вести себя по отношению к попутчикам во время голода, который он сам пережил⁶⁰. В другом случае умирающий проявил себя настолько самоотверженно, что не хотел, чтобы для него забили последнего оленя, принадлежавшего другому человеку⁶¹. С впечатляющей чуткостью описывает Иохельсон, как местные обращались с приговоренным к смерти от оспы соплеменником и как они устанавливали специальный порядок ухода за таким больным, хотя при этом речь должна была идти и о собственной защите. Иохельсон трезво показывает, однако, при всей своей эмоциональности и симпатии к местному населению, все те различные людские черты характера, которые возникают в подобных экстремальных ситуациях, как эгоизм и

⁵⁸ В написанной в США короткой автобиографии Иохельсон упоминает, что он учил «philosophy» (философию), что в те времена в немецкоязычной среде соответствовало обширной совокупности гуманитарных наук. О его учителях в университете Берна, которые могли иметь влияние на его поздние научные интересы, см. *Krumholz Y., Winterschladen M. Zwei Schriften – zwei divergierende Darstellungen. Oder: warum Vladimir Iochel'son für die Jesup North Pacific Expedition zwei unterschiedliche Werke verfasste. Eine Untersuchung am Beispiel der Schamanismusforschung // Auf den Spuren der modernen Sozial- und Kulturanthropologie. Die Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) im Nordosten Sibiriens / M. Winterschladen, D. Orudubadi, D. Dahlmann (Hg.). Fürstenberg/Havel, 2016. S. 230 ff.*

⁵⁹ *Jochelson W. In Polargegenden: II. Ein „Tanner“ in der Tundra // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie. Bd. 1. S. 303–308, 325–328. Berlin und Stuttgart. 1899 / Neuauflage: Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 101.*

⁶⁰ Там же. С. 72.

⁶¹ Там же. С. 112.

жадность помощника, который незадолго до погребения умершего от оспы сородича тайно присвоил себе его ценный праздничный наряд и его же потом носил, из-за чего он сам вскоре пал жертвой эпидемии⁶².

Открытая критика предназначалась «лживым торговцам», что, кстати, было частой темой русской литературы конца XIX в. – с которыми туземцам часто приходилось иметь дело. Так, Иохельсон жаловался, что правительство не заботится о судьбе этих людей, и писал что половина промысла из столь бедного края уходит на водку⁶³.

Примечательно, что подобные пронизанные отчётливым сочувствием описания отсутствуют в поздних монографиях Иохельсона о коряках и ительменах. Однако маловероятно, что его позиция со временем могла в корне измениться. Вполне возможно, что свои заметки с момента совместной работы с Боасом Иохельсон приводил в соответствие с «научным» стилем, который казался ему более уместным для его признания и продвижения в выбранной им новой академической среде. В то время как эмоциональные статьи как в «Mutter Erde» показали себя как менее подходящие.

Странен также тот факт, что в своих поздних монографиях он едва ли отдаёт должное своим сотрудникам⁶⁴, хотя во время Сибиряковской экспедиции он чётко выражал им благодарность⁶⁵, в основном, в своих письмах. То же самое бросилось в глаза Игорю Крупнику⁶⁶ при рассмотрении труда Владимира Богораза «The Chukchee», который, как и «The Koryak» Иохельсона, появились только после экспедиции Джезупа. В отношении Богораза Крупник очень точно объясняет это следующим образом:

«Когда Богораз вернулся со своих полевых работ из Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа (СТЭД), полный информации и идей, он был убеждён в том, чтобы перенять Боасовский образец «базовой этнографии» для его текстов для сборника по СТЭД. [Он] был вынужден предоставить собранную им информацию в том научном виде, который не вполне соответствовал его вкусам»⁶⁷.

⁶² *Jochelson W.* In Polargegenden: III. Die Blattern im äussersten Norden // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie, Bd. 1, S. 364–366, 385–388. Berlin und Stuttgart. 1899 / Neuausgabe: Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 123ff.

⁶³ *Слободин С.Б.* Выдающийся исследователь... С. 98.

⁶⁴ *Kasten E., Dürr M.* Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition. A New Approach in the Ethnography for the Russian Far East // Waldemar Jochelson: The Koryak / E. Kasten, M. Dürr (eds.). Fürstenberg/Havel. 2016. P. 18.

⁶⁵ Там же. С. 21.

⁶⁶ *Krupnik I.I.* Waldemar Bogoras and The Chukchee: A Maestro and a Classical Ethnography // Waldemar Bogoras: The Chukchee / Dürr M., Kasten E. (eds.). Fürstenberg/Havel, 2017. P. 32.

⁶⁷ Там же. С. 30 и др. См.: „As Bogoras returned from his JNPE [Jesup North Pacific Expedition] fieldwork loaded with data and ideas, he was persuaded to accept a Boasian template of ‘basic ethnography’ for his writings for the JNPE series. ... [He] was pressured to present his

Вопрос о том, относится ли последнее предложение к Иохельсону, должен здесь остаться открытым. С другой стороны, Иохельсон во время Сибиряковской экспедиции предвосхищает многое из того, что впоследствии Боас делает основной частью своего метода:

«Поэтому мне казалось особенно важным изложить этнографический материал посредством подлинной передачи сообщений туземцев их собственными словами и на родном языке, потому что только тогда сохраняется исходное восприятие»⁶⁸.

В своих дневниках уже в 1894 году Иохельсон подчёркивает, насколько важно для понимания культуры местного населения документировать их рассказы на их родных языках, как он и сделал в своем сборнике. Кроме того, он рассуждает о возникновении систем коммуникации туземцев, основой которого могло служить пиктографическое письмо, т.е. письмо, ориентированное на следы животных и основательное наблюдение за природой⁶⁹. В своих описаниях о поведении на охоте Иохельсон фиксирует основополагающие отношения человек-животное, которые были характерны для тех народов:

«Между охотником и животным существует тайная связь. Если бы животное не любило охотника, он не мог бы его убить. Что за своеобразная любовь, отдавать себя в пищу! Однако патрон животного, Pädshul, который снисходительно относится к охотнику, который убивает животное ради еды, сердится, если человек убивает бесцельно»⁷⁰.

Относительно рыбной ловли Иохельсон делает немаловажное замечание, что первые многочисленные партии морской рыбы пропускали, «чтобы не спугнуть рыбу», только после этого начинали ловлю⁷¹. В этом поведении – даже и обоснованным здесь с другой точки зрения – отражается переданная экологическая мудрость оставлять достаточно рыбы для метания икры и для жителей других поселений в верховьях реки.⁷² Всё это показывает Иохельсоновское

data under an academic template not quite to his personal liking⁶⁴.

⁶⁸ Boas F. Die Resultate der Jesup-Expedition // Verhandlungen des XVI. internationalen Amerikanisten-Kongresses, 1908. Erste Hälfte. Wien und Leipzig, 1910. С. 7: „Deshalb schien es mir besonders wichtig, das völkerkundliche Material durch unverfälschte Wiedergabe der Mitteilungen der Eingeborenen in ihren eigenen Worten und in der Ursprache festzulegen, weil nur so die ursprüngliche Auffassung gewahrt wird“.

⁶⁹ Jochelson W. Die Jukagiren, см. Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 85 ff.

⁷⁰ Там же. С. 55: „Zwischen dem Jäger und dem Tier besteht ein geheimnisvolles Band. Liebe das Tier den Jäger nicht, so könnte er es nicht erlegen. Welch eigenartige Liebe, sich zum Verzehren preiszugeben! Aber der Schutzgeist des Tieres, Pädshul, welcher den Jäger, der das Tier zur Ernährung erlegt, mit Nachsicht behandelt, wird aufgebracht, wenn der Mensch zwecklos Tiere tötet“.

⁷¹ Там же. С. 60.

⁷² Похожее экологичное и социально-мотивированное поведение при рыбной ловле мог также наблюдать Георг Вильгельм Штеллер в середине XVIII в. у ительменов на Кам-

глубокое понимание туземной системы знаний, которое стороннему зрителю возможно заполучить только в процессе долгого включенного наблюдения.

Особое качество ранних работ Йохельсона прорисовывается также в других местах. Так, он детально изображает торговые споры, в которые он сам периодически бывал вовлечён⁷³ и констатирует особые виды поведения и черты характера представителей разных этнических групп. Его наблюдения, в свою очередь, могут быть точными, но он уклоняется от стилизации их под этнические стереотипы, как это порой случается. С необыкновенной интенсивностью он охватывает – как и при других возможностях – межэтнические отношения, которые лежат в основе важных для выживания путей сообщения и культурного обмена.

Примечательно, что подобные описания и объяснения отсутствуют в поздних трудах Йохельсона о коряках и ительменах. Причины этого могут, однако, быть отличными от вышеназванного случая, где конкретные эмоциональные показания, очевидно, не подходили под поздний научный «шаблон». Так как в отличие от многолетнего нахождения Йохельсона в ему уже достаточно хорошо известном во время Сибиряковской экспедиции (а также ранее), проведение исследований во время Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа из-за изобилия разнообразных предписаний Боаса и из-за нацеленности на как можно более обширное сравнение культур, по всей видимости, страдало от существенной нехватки времени. Последнее относится прежде всего к обширной командировочной деятельности Богораза, которая не позволяла ему оставаться на долгое время на одном месте и проводить там стационарные или практические наблюдения. Вместо этого предписанный Боасом этнографический метод казался скорее суетливой «собираательской поездкой» в духе «спасательной этнографии» (*salvage anthropology*).

Что касается исследований Йохельсона у коряков во время Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа, то в сравнении с его ранними трудами о юкагирах бросается в глаза, какие трудности он испытывал в попытках наладить похожий доверительный контакт с местным населением, который был отражен в его ранних текстах. В его поздней научной монографии о коряках он сам упоминает о своём разочаровании, связанном с тем, что он видел себя обманутым шаманом, которого он назначил исполнять ритуалы для себя, без всякой реальной причины и в то время как определённые сезонные ритуалы, как, например, праздник Кильвей, были от него скрыты⁷⁴. Требование программы исследований об антропометрических измерениях туземцев сталкивалось время от вре-

чатке. См. *Kasten E. Koryak Salmon Fishery: Remembrances of the Past, Perspectives for the Future // Keystone Nations: Indigenous Peoples and Salmon Across the North Pacific / B.J. Colombi, J.F. Brooks (eds.), Santa Fe, 2012. P. 70.*

⁷³ *Jochelson W. Die Jugagiren, см. Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 74–75.*

⁷⁴ *Kasten E., Dürr M. Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition... P. 25.*

мени с большим сопротивлением⁷⁵, которое Иохельсон мог преодолеть только посредством стандартных – известных и Боасу – этнологических «торговых трюков», когда местным обещали, что царь по их меркам сошьёт одежду и передаст для них как подарок⁷⁶.

В целом складывается впечатление, что местные жители смотрели на измерение тел, которое, очевидно, для них было вторжением в личное пространство и смысл чего им был непонятен, как на указание начальства, которое Иохельсон был обязан исполнить. Это, скорей всего, способствовало возникновению дистанции, тем более, что Иохельсон уже до этого был соответствующе титулован⁷⁷. Его отношение к местным во время Сибиряковской экспедиции, однако, казалось немного другим, чему мог поспособствовать его изначальный статус ссыльного, в связи с чем в глазах местного населения он так же страдал от произвола властей как и они сами⁷⁸.

В противовес трудностям с измерением тел примечательно, как осторожно во время экспедиции Сибирякова Иохельсон разбирал вместе с туземцами необычный на тот момент для них процесс фотографии, который люди по-своему пытались понять. Так как для них каждый человек имел «тень», то на фотографиях они видели эту тень запечатленной. Что их больше всего раздражало, так это то, что Иохельсон мог сделать фото и умершего человека, который по их представлениям не имел тени⁷⁹.

Следующей помехой Иохельсоновским исследованиям у коряков стал факт нехватки времени для достаточного изучения корякского языка, а он, по-видимому, был не всегда доволен своими переводчиками. Прежде всего заметна разница, что у юкагиров Иохельсон был с командой местных экспертов, которые, соответственно существующим территориальным условиям, время от времени могли собираться и другим составом. При этом он мог найти сотрудников из многочисленных опытных местных жителей, которые ему, по всей видимости, были знакомы уже со времён его ссылки и с которыми уже были установлены обоюдные доверительные отношения. То, что способных местных помощни-

⁷⁵ См. комментарий жены Иохельсона Дины Иохельсон-Бродской, которой, прежде всего, были доверены эти задачи: «ни просьбы, ни подарки были не в состоянии заставить упрямых корячек раздеться ради измерений» (*Jochelson-Brodsky D. Zur Topographie des weiblichen Körpers nordostsibirischer Völker. Inaugural-Dissertation. Medizinische Fakultät der Universität Zürich, 1906. С. 1*).

⁷⁶ *Kasten E., Dürr M. Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition... P. 20.*

⁷⁷ Там же. P. 20.

⁷⁸ В отдалённых поселениях района Колымы, где Иохельсона ещё не знали, его встречали, однако, с глубоким почтением и покорностью, как это было, очевидно, принято в отношении русских властей. (*Jochelson W. Die Jukagiren, см. Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 70 ff*)

⁷⁹ *Jochelson W. In Polargegenden IV..., см. Jochelson W. Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 133.*

ков не хватало в его поздних экспедициях, должно быть, вызвало в Иохельсоне раздражение и удручённость, что и проявилось в его скорее безэмоциональных описаниях коряков. Еще более заметно это становится в его этнографии об ительменах (камчадалах) во время одной из последующих исследовательских поездок, а именно во время экспедиции Рябушинского в 1910–1911 годах. Здесь у Иохельсона, кажется, можно почувствовать безрадостность⁸⁰, когда он в своих объяснениях кажется более заинтересованным в камчадальской собаке, чем в самом местном населении. С самого начала этой экспедиции его больше интересовали археология, язык и культура алеутов⁸¹; он скорее смирился с желанием спонсора Ф.П. Рябушинского в отношении включения Камчатки в программу исследований. В конце концов его этнографические исследования ительменов дали мало информации; скорее всего, из-за этого он так долго переносил публикацию ительменских материалов и сам никогда их не закончил. Кроме недостаточного владения ительменским языком в этом случае добавилось к тому же и то, что Иохельсон был, вероятно, расстроен ввиду явного русского влияния⁸², которому в его глазах уже была подвержена их культура, что делало эти народности менее интересными⁸³ для этнологического исследования того времени.

Однако возникает вопрос, не брала ли такая установка начало из нового научного духа, которым была пронизана школа Боаса. Ведь поначалу – перед и во время Сибиряковской экспедиции – Иохельсон совершенно без стеснения и даже с особым интересом занимался вопросом русских старожилов⁸⁴ и, особенно, вопросами языковой и культурной динамики между туземными народами того района⁸⁵.

Бросается в глаза, насколько различны стиль и качество этнологических суждений в публикациях Иохельсона по итогам тех трёх экспедиций, в которых он принимал активное участие. Их оценка предоставлена каждому в зависимо-

⁸⁰ Это может быть обосновано тем, что к концу экспедиции дошло до финансовых проблем в связи с утаиванием (присваиванием) денег в Петропавловске после смерти спонсора Рябушинского, который изначально хотел принять участие в экспедиции на Камчатке. (Личное мнение Маттиаса Винтершладена).

⁸¹ *Jochelson W.* Die Riabouschinsky-Expedition ..., см. *Jochelson W.* Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 150.

⁸² Уже во время планирования Иохельсон обращает внимание на то, что там «много сделано с ориентировкой на камчадалов, несмотря на руссификацию» (*Jochelson W.* Die Riabouschinsky-Expedition..., см. *Jochelson W.* Aus dem Fernen Osten Russlands... S. 147).

⁸³ См. *Bergman S.* Auf Schi und Hundeschlitten durch Kamtschatka. Stuttgart, 1928. S. 175 ff., который, по-видимому, был рад после поездки к «смешанным с русскими» ительменам на западном побережье Камчатки снова побыть «у диких» (эвенов) во внутренней области полуострова.

⁸⁴ *Jochelson W.* Die Jukagiren... (1899), см. *Jochelson W.* Aus dem Fernen Osten Russlands ..., S. 50 ff.

⁸⁵ *Jochelson W.* Über die Sprache...

сти от точки зрения, но здесь уже было отмечено, как можно объяснить такие ярко прослеживающиеся различия. В любом случае мы получаем сведения не только об успешных и новаторских методах полевых исследований, но и о требуемых предпосылках, при которых эти методы смогли успешно применяться на практике.

В своих многогранных публикациях о юкагирах Иохельсон, видимо, намеренно обратил основное внимание на разные аспекты. Это так же подтверждается тем, что эти издания ориентировались прежде всего на неоднородный круг читателей. Так, он пытается в своих статьях в немецкоязычных журналах обратиться через упоминание соответствующих движений в России прежде всего к международным революционным кругам, за которыми в то время как движущая сила стояли немецкие социал-демократы. Его первые опубликованные в России исследовательские отчёты были предназначены для как можно скорейшего донесения о достигнутых результатах руководству ВСОИРГО, а также сотрудникам Сибиряковской экспедиции, как и другим учёным в России. Выступлениями с докладами перед соответствующими научными обществами в Западной Европе и переводами статей на немецкий язык он чуть позже пытался сделать себе там карьеру. То, что ранее свои вышедшие в соответствующих отчётах о заседаниях статьи он публиковал в скорее научно-популярных журналах как, например, *Mutter Erde*, можно, пожалуй, объяснить недостатком денег, так как даже Боасу приходилось финансировать свои первые исследовательские поездки подобным образом⁸⁶. Помимо того, так появилась возможность привлечь внимание образованной публики.

Однако, интересно, что Боас – который в то время уже находился в Нью-Йорке – заметил Иохельсона уже не через публикации, а через рекомендацию В.В. (Фридриха Вильгельма) Радлова из Санкт-Петербурга, когда Боас обратился к нему в поисках подходящих сотрудников для экспедиции Джекзупа. Последующие публикации Иохельсона, в которых он в основном снова возвращался к материалам Сибиряковской экспедиции, опубликованным в его труде «The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus», были направлены в конце концов на совершенно другую публику – которую он должен был заинтересовать для достижения своей будущей профессиональной карьеры – а именно, на международных коллег из области наук о человеке, сформированных культурной антропологией Боаса.

⁸⁶ Kasten E. Franz Boas: Ein engagierter Wissenschaftler in der Auseinandersetzung mit seiner Zeit // Franz Boas. Ethnologe, Anthropologe, Sprachwissenschaftler / M. Dürr, E. Kasten, E. Renner (Hg.). Berlin, Wiesbaden, 1992. S. 11.

